

Хронологическая система в «*Еpitoma chronicon*» Проспера Аквитанского

А. М. Скворцов

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия*

Статья нацелена на раскрытие общих хронологических принципов организации событийного ряда в «*Еpitoma chronicon*» Проспера. Хронологическая система, выстроенная аквитанцем, оказывается более простой по сравнению с трудами предшественников — Евсевия и Иеронима, а соответственно, доступной для менее образованных читателей прежде всего западной части Римской империи. Проспер сознательно отказывается от табличной формы изложения, счета лет исключительно по императорам (для эпохи Римской империи), по Олимпиадам, но добавляет в начальную часть текста перечень библейских патриархов и датирует события по консулам (с 15 года правления Тиберия). «Эра Адама» позволила автору «удревнить» христианскую веру. Утверждается также, что Проспер, как и Аврелий Августин, был чужд идей миллениаризма и реализовывал с помощью конкретно исторического материала концепцию смены четырех империй. В целом же рассмотренное произведение Проспера — попытка создать новое историописание в эпоху поздней античности.

Ключевые слова: *Проспер Аквитанский, поздняя античность, хроника, историописание античности, хронология.*

Хронике Проспера посвящено немало литературы. Одна из тем, заслужившая особое внимание у исследователей, — многочисленные ошибки в датировках, которые имеются у аквитанца. Тон здесь задал немецкий ученый О. Хольдер-Эггер, отметивший довольно легкомысленное отношение и даже безразличие позднеантичного автора к хронологии, проявившееся в округлении до целых лет периодов правлений императоров и в изменении последовательности событий [Holder-Egger, 1876, s. 79]. Л. Валентин подтвердил большим числом примеров некачественную работу Проспера с хронологией, но заметил, что в «оригинальной» части аквитанец более точен, чем историки, датировавшие события по «царской» хронологии (Гидаций или автор Хроники 452 г.) [Valentin, 1900, p. 430 — 436]. От такого позитивистского подхода отказались современные ученые, которые не стремятся обвинять летописца в ошибках, а пытаются понять, почему заблуждения имели место быть, и соотносить неправильные датировки с общей концепцией и задумкой автора, а также с используемыми источниками. Так, М. Хамфрис специально исследовал неправильную датировку Проспером смерти императора Грациана и заметил, что эта ошибка является не следствием неумелости хрониста, а его усилий по форми-

рованию нового историографического жанра и опоры в некоторых случаях на разные источники, предоставившие противоречивую информацию, практически не верифицируемую [Humphries, 1996, 174—175]. К этому можно добавить выводы Р. Берджесса. В III—V вв. консулярии — основа для построения хроник — тиражировались в большом количестве. Высокая скорость копирования часто приводила к небрежности — отсюда возникали ошибки, попадавшие в хроники [Burgess, 2000, p. 286—287]. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на общих принципах организации материала в Хронике и вопросах выбора хронологической системы Проспером.

Перед обращением к нашему основному источнику следует сделать несколько штрихов по поводу того, какими именно хронологическими системами мог пользоваться аквитанец. Долгое время у христиан не было общих принципов летоисчисления. Разные группы использовали традиционные, сложившиеся к рубежу эр, системы: палестинские христиане — древнееврейскую, римские — юлианскую и *ab Urbe condita*, греческие — олимпиадную и т. д. [Иванова, 2003, с. 73]. Слабые связи между общинами верующих и отсутствие единых четко зафиксированных канонов способствовали значительной разобщенно-

сти в данном вопросе. Но происходившая с течением времени консолидация христианского мира, а потом и появившаяся возможность свободного исповедания религии поставили вопрос о единых принципах счета исторического времени.

Христиане стремились к расширению своего круга, особенно после снятия запретов на свободное выражение идей о Боге (Миланский эдикт 313 г.). Формальный отсчет существования религии начинался с деятельности Иисуса Христа, поэтому в сравнении с остальными учениями, христианство не казалось столь древним, а следовательно, по представлению людей того времени, не являлось авторитетным, — в этом смысле оно не выдерживало конкуренцию с другими. Необходимо было продемонстрировать давность своей традиции [Kahlos, 2015, p. 14] и таким образом занять достойное место среди борющихся за умы людей. Очевидно, Римскую империю населяли люди различной этнокультурной принадлежности, но все свободные вне зависимости от этого фактора с 212 г. являлись гражданами. По словам А. В. Махлаюка, империя представляла собой прежде всего политико-юридическую общность, для попадания в которую можно было не только «не разделять основополагающих римских ценностей и образа жизни, но и сохранять свою этническую и/или религиозную идентичность» [Махлаюк, 2010]. Для всего этого культурного многообразия следовало объяснить максимально кратко и доступно приоритет христианства. В этом плане хроника становилась подходящим жанром, причем, именно всемирная хроника, объединявшая истории разных государств.

Для таких начинаний имелось значительное подспорье. В эпоху эллинизма, представляющей синтез древневосточной и греческой культурных традиций, были предприняты попытки (например, Бероссом и Манефоном) согласования историй вступивших во взаимодействие в результате завоеваний Александра Македонского регионов. А Филохор, Деметрий Хронограф, Евполем, Феопомп, Полемон, Иосиф Флавий в своих сочинениях пытались доказать древность иудейского народа [Кузовенков, 2014, с. 29—30].

Выводить создание нового летоисчисления только из разности представлений о движении времени — якобы только у христиан оно приобретает линейный характер, тогда как язычники видели его циклическим [см., напр.: Иванова, 2003, с. 73] — не представляется корректным. Перед лидерами христианского вероучения стояли более практические задачи. К тому же, за утверждениями о разности хронологических построений часто стоит сравнение только отдельных концепций,

что приводит к упрощению обобщенных взглядов [Ольсен, 1993, с. 196—205] — с одной стороны, Фукидида с его идеей повторяемости исторических процессов, или Платона, у которого цивилизации развиваются прогрессивно и линейно, но затем гибнут, и развитие повторяется снова, с другой — Августина Блаженного, для которого история однолинейна и следует в направлении конца мира и второго пришествия. В лучшем случае можно говорить о появлении в христианскую эпоху концепций линейного развития истории, которые встречались и у языческих историков и философов, но не были, разумеется, сопряжены с идеей конца истории.

К тому времени, когда Проспер задумал продолжить хронику Евсевия-Иеронима¹, доведенную до 378 г., христианскими писателями был накоплен определенный багаж по расположению основных событий, связанных с их вероучением, во времени. На этом поприще потрудились: Феофил Антиохийский, Климент Александрийский, Тертуллиан, Юлий Африкан, Ипполит Римский, Псевдо-Киприан, наконец, Евсевий Кесарийский и Иероним [Кузенков, 2014, с. 56—112]. Поэтому, с одной стороны, аквитанцу было на кого опереться в своих расчетах, но с другой — это и создавало трудности при выборе собственной шкалы и при определении узловых моментов христианской истории. Свою часть Проспер начинает крайне скромно: «До этого места пресвитер Иероним довел порядок предшествующих лет. Мы же позаботились добавить (*adicere curavimus*) [рассказ] о последующих событиях» (Prosp. 1166). Обращает на себя внимание употребление в данном контексте формы *persona l pluralis* — тем самым, вероятно, подчеркивалась включенность продолжателя в некую традицию. Как и многие христианские авторы, Тиро стремится нарочито скрыть личностное начало, как бы дистанцировать себя от оценок фактов [Об этой тенденции применительно к средневековым писателям см.: Гене, 2002, с. 240—241]. И в этом случае именно форма погодных записей явилась подходящей, несмотря на то, что у многих античных авторов сложилось довольно пренебрежительное к этому жанру [Специальный анализ сообщений Цицерона, Тацита, Авла Геллия с критикой анналистики см.: Мереминский, 2018, с. 86—89]. Но за декларируемым «добавлением» скрывается свободное распоряжение текстом предшественника и расширенные повествования в ряде глав «оригинальной» части, ведущейся с 379 г. Аквитанец считает себя достойным продолжить дело мужа, «выдающегося

¹ Считается, что первая редакция относится к 433 г.

талантом и рвением» (Prosper. 1186), тем самым как бы встает вровень с ним. Показательно, что Иероним и Августин фигурируют в тексте три раза (Августин: 1204, 1261, 1304; Иероним: 1032, 1186, 1274). Сообщается точная (вплоть до дня) дата смерти. Такое количество упоминаний довольно много для хроники. На это обратил внимание С. Мюльбергер, увидев в этом дань уважения своим учителям [Muhlberger, 1990, p. 86]. Но думается также, что Проспер подспудно надеется на такой же почет и славу как продолжатель дела этих двух выдающихся мужей. Поэтому скромность Проспера в некотором смысле показная, как и его попытка дистанцироваться от оценивания событий.

Проспер не стремится объяснять причины происходящих событий (хотя в неявной форме это все же присутствует), как это повелось в нарративной истории еще с Геродота и Фукидида. Греческие историки начинали свой текст с выявления цепи событий, повлекших за собой в первом случае Греко-персидские войны, во втором — Пелопоннесскую войну. Аврелий Августин писал следующее: «Божья воля есть самая первая и главнейшая всех телесных и духовных движений причина» [Блаженного Проспера Аквитанского мыслей, 1787, с. 24], «Мы, не зная причин, Божьим делам разумеем все, когда ведаем, что Всемогущий творец творит не без причины, чему слабы человеческий ум не может дать оной» [Блаженного Проспера Аквитанского мыслей, 1787, с. 67]. Другими словами, по мысли Августина, к которым, безусловно, присоединился и наш автор, Творец ничего без причин не произвел, но человеку знать эти причины невозможно.

Хронологический труд предшественника Проспера Иеронима делится на две части, которые, вероятно, демонстрируют этапы работы автора. Первая представляет собой введение, содержащее последовательные царские списки разных стран. Вторая же, выраженная в табличной форме, излагает историю от Авраама. Число вертикальных колонок, каждая из которых посвящена какому-то государству Средиземноморья, неодинаково на протяжении всего повествования. Их вступление/уход с «мировой» арены приводят к уменьшению/увеличению таблицы по ширине. Расположенные параллельно политические единицы достигают в максимуме девяти, но в итоге все они сливаются в одну линию — истории Римской империи. Как заметили Р. Берджесс и М. Куликовски, «политическая полиархия прошлого превращается в монотеистическую монархию царствования Константина» [Burgess, 2013, p. 124]. Таким образом события в истории отдельных регионов были

синхронизированы. Общей же хронологической канвой был счет времени по царям ведущих государств, в отношении которых фиксировался период нахождения у власти, а события располагались по годам их правления. С определенного времени обозначалась последовательность лет и по Олимпиадам. Прделанная работа позволила еще Евсевию, труд которого Иероним переводил, продемонстрировать далекое прошлое своей религии.

Примечательно, что Памфил, а затем и Иероним, начинают историю не от Адама, а от Авраама. По мнению Э. Шварца, Евсевий отказался от изложения событий от Адама под влиянием соображений скорее научно-хронологических, чем идейных: он считал невозможным определение времени сотворения Адама, так как продолжительность жизни праотцов, живших до Авраама, по-разному определялась в Септуагинте, еврейском и самаританском тексте Ветхого Завета [Schwartz, 1907, s. 1378—1379]. Как известно, Евсевий был воспитан Памфилом в духе оригеновского критического изучения разных версий библейского текста. В «Церковной истории» Оригену уделено особое внимание, причем, автор сосредоточился именно на интеллектуальных занятиях александрийца, не на теме мученичества [Пантелеев, 2020]. В качестве начальной точки библейской истории и истории вообще Евсевий взял именно рождение Авраама по той причине, что это событие он мог синхронизировать с хронологией ассирийских, египетских и сикионских царей — 2016/2015 г. до н. э. [Croke, 1983, p. 124]. Другими словами, кесарийский епископ не захотел вступать в спор, который заведомо оказывался проигрышным для него. Евсевий был довольно ответственным автором с достаточно взвешенным подходом к подбору и критическому осмыслению источников [Ващева, 2006, 206—207]. А в случае с Хроникой он провел настоящее исследование по синхронизации историй разных государств.

Евсевий отходит в определении начального события повествования от точки зрения Секста Юлия Африкана, одного из основных своих предшественников. Хроника последнего до нас не дошла, но известно, что она начиналась с Сотворения мира, то есть с Адама (5502 г. до н. э. по системе Африкана) [Кузенков, 2013, с. 89]. В хронологической системе Африкана воплощение Христа приходилось на 5500 г. (3—2 г. до н. э.) от Сотворения мира, а конец мира должен был наступить в 6000 г., то есть в 497 г. н. э., во исполнение пророчества Даниила (9:24), которое до хронографиста действительно пытались истолковать как скорое наступление конца мира. Но

уже сам Африкан отложил конец мира почти на 300 лет, а Евсевий, следуя Оригену, в своих сочинениях вообще игнорировал апокалиптические ожидания [Гене, 2002, с. 77]. Однако у кесарийского епископа все же в отдельных случаях отсчет лет ведется «от Адама», например, в его 22 а, 70 а, 174, 250 и т.д. Во введении Евсевий указывал, что рождение Авраама произошло через 942 г. после потопа, а потоп имел место через 2242 г. после Адама [Helm, 1924, p. 15]. Таким образом, эра Адама, по кесарийскому епископу, это 5200 г. до н.э. [Handbook, 1998, p. 158 — 159]. Евсевий считал невозможным начать счет от Адама не из-за трудностей в определении этой даты, как считал Э. Шварц, а невозможности определения дат жизни праотцов.

В эпоху Проспера «эра Адама» оставалась предметом споров. На Востоке «эра Евсевия» не получила распространения, а после перевода его Хроники Иеронимом в 370-е гг. некоторые хронисты продолжали использовать эру Ипполита и Африкана — например, Гилариан (397 г.) и Сульпиций Север (404 г.). При этом в течение IV и V вв. хронисты нередко выражали апокалиптические идеи, как например, Гилариан, который указывал на сравнительно скорое приближение конца мира, через 101 г. [см. об этих спорах: Landes, 1988, p. 149 — 154]. Какую же позицию занимал здесь Проспер? На протяжении всей хроники он ни разу не выражает миллениаристские идеи. И даже последние строки произведения, рассказывающее о разграблении Рима в 455 г. варварами (Prosp. 1375) — событие, по выражению автора, «достойное многих слез» и изображенное очень эмоционально, не может свидетельствовать о скором наступлении Тысячелетнего царства. Этому противоречит, во-первых, самый конец повествования (Prosp. 1376), где, в целом, буднично говорится о расчетах времени Пасхи для 455 г. Создается впечатление, что, несмотря на разгром столицы Средиземноморской державы, жизнь продолжается, и это продолжение, очевидно, обеспечивает церковь. Во-вторых, следует обратить внимание на круг общения Проспера. Одним из почитаемых им людей являлся Августин Блаженный, которого аквитанец ревностно защищал от нападков критиков и всячески содействовал распространению его идей. Некоторые современные историки, апеллируя к «Граду Божьему» (а именно: XX. 9), на основе неявных параллелей говорили о сходстве идей автора сочинения с хилиазмом. Обращение же к пассажу из «Исповеди» (11. XX. 26), посвященном понятиям прошлого, настоящего и будущего, привело к пересмотру данного представления [Scanlon, 1999,

p. 316—318]. Августин не только был противником миллениаризма [Landes, 2000, p. 104], но и в значительной мере благодаря своему авторитету сумел искоренить хронологические спекуляции относительно конца мира внутри церкви, хотя его победа и не была столь безоговорочной [Landes, 1988, p. 156—160]. Скорее всего, Проспер в этом вопросе соглашался с гиппонским епископом. А используя «эру Адама», Проспер следовал традиции, предшествующей Евсевию. При этом сам аквитанец был, скорее всего, чужд миллениаризма.

Наконец, в-третьих, следует указать на общую ситуацию в христианстве во время написания первой редакции «Хроники». В 410—420-е гг. идет борьба с пелагианством, проповедовавшим отказ от идеи первородного греха (Prosp. 1252). Как уже упоминалось, в этой борьбе принимал участие и Проспер, составивший соответствующие трактаты. В итоге в 431 г. на III Вселенском соборе учение было осуждено. Очевидно, Аврелия Августина тема борьбы с ересями очень занимала [Блаженного Проспера Аквитанского мыслей, 1787, с. 85, 116, 124, 130]. В рассуждении «О первом и втором Адаме» делается акцент на разделении всех людей на два рода — Адамово и Христово: «Всякий от поколения первого принадлежит к Адаму, а рожденный под благодатью принадлежит ко Христу... И так род человеческий весь вместе взятый есть как бы два только человека» [Там же, с. 116]. Значимость Адама с точки зрения истории человеческого рода велика, как и в контексте борьбы с пелагианством, поэтому и фигура первопродка появляется в «Хронике». Тема греха обусловила и наличие рассуждений в 12 главе о причине потопа, которая отсылает, по сути, к первородному греху: «Когда большинство праведных из-за греха змеи вступило в брак с иноплеменными женщинами, преступление дозволенного союза заслужило быть искупленным потопом, в то время как один праведный Ной с женой и тремя детьми и с таким же количеством невесток был сохранен для восстановления человеческого рода».

Итак, Проспер начинает «от Адама». И первые строки (Prosp. 1 — 11) посвящены перечислению поколений (*generationes*) праотцов: каждая новая строчка сообщает о появлении на свет того или иного патриарха. Обозначается его отец и возраст, при котором произошло рождение. Сам аквитанец следующим образом объясняет сделанную им начальную вставку: «Для обоснования достоверности (*ad probandam*) летоисчисления перечисляются вначале эти поколения, к каждому из которых приписано его число лет: ведь потомство братоубийцы Каина не было достойно того, чтобы

его продолжительность считали вместе с богоизбранным народом» (Prosp. 12). Вероятно, Проспер имеет в виду, что счет поколений от Адама дан для установления начальной хронологической точки и наглядной демонстрации того, что от рождения Адама до потопа действительно прошел 2241 год. Автор тем самым свидетельствует о подтверждении своей правоты в избранной хронологической системе. Приведенные цифры, как он позже отметит, были заимствованы из Септуагинты (Prosp. 61). Проспер не сообщает количество лет, прожитых патриархами — это оказалось бы одним из слабых мест в тексте, но ему важно представить именно последовательность поколений и их связь с первочеловеком, от которого все народы берут начало. Впервые возраст смерти сообщается в связи с Авраамом — 175 лет (Prosp. 35), о чем писал и Евсевий. Кстати, Проспер не испытывает никакого смущения от того, что возраст, при котором у патриархов появляются наследники, довольно большой — 230, 205, 190, 170 лет и т.д. Общим местом в индоевропейской мифологии является представление о превосходстве первопредков над современными людьми в различных отношениях [Зайцев, 2005, с. 62], что позволяло им и гораздо больше жить. Обратим внимание также на шаблонность в изложении имен патриархов. Эта определенная монотонность при чтении создает представления о повседневности явления. Праотцы перечисляются как очевидные личности прошлого, наподобие римских консулов или императоров, то есть как те, которые не требуют доказательства в историчности. Кроме того, увеличение количества строк и сообщений за счет ветхозаветной традиции внушало и большее уважение к христианскому прошлому, которое становилось насыщеннее. 37 глава подтверждает соперничество библейской и языческих традиций. Проспер прямо их сравнивает: «патриархи Авраам, Исаак и Иаков старше Сераписа».

Итак, поначалу на читателя прямо-таки обрушивается груз имен библейских патриархов, соседствующих с возрастом рождения у них сыновей. Обозначение конкретных имен и точных цифр, вероятно, должно было повысить степень доверия к сообщаемой Проспером информации. Использование их, как видно из 12 главы, для аквитанца служит важным способом доказательства выдвигаемых идей. Перед нами не абстрактные размышления, а точные (в представлении христиан) данные. Отдельные главы соединены при помощи частиц: *autem, quoque, vero, porro, deinde*, которые создают неразрывность повествования. Сообщения 1 — 12 глав представляются в виде цельного текста, призванного подтвердить, что

прошло 2242 г. и 10 поколений от Адама до потопа (Prosp. 13).

Сама «Хроника» выражена не в таблицах, как у Евсевия-Иеронима, а являет последовательность событий. История приобретает характер единого потока, в котором сменяют друг друга великие державы. Ставшая популярной в средние века идея смены четырех империй формируется в позднюю античность на основе сообщения Даниила, где олицетворяют монархии звери — лев, медведь, барс, а также «странный и ужасный и весьма сильный зверь» (Dan. 7: 1—28). Обоснование на конкретно-историческом материале данная концепция получает у Павла Орозия [Тюленев, 2005]. Выбор в качестве первенствующего того или иного народа диктует Просперу и построение хронологии: сначала счет лет идет по еврейским судьям и царям, далее после пленения евреев — по персидским царям, затем по представителям династии Птолемеев, наконец, по римским императорам. Это и составляет, по классификации Д. И. Суруленкова, «опорную хронологическую систему» [Суруленков, 2006, с. 16 — 20]. При анализе категории времени в позднеантичных хрониках московский историк, обращаясь к сочинению Проспера, останавливается лишь на «оригинальной» части, то есть той, которая начинается с 378 г. Однако аквитанец свое творчество как продолжателя Евсевия-Иеронима не отделял от предшествующего текста; к тому же, Тиро внес, как мы указали, конструктивные изменения в хронику предшественников. Полученное таким образом по итогу работы следует рассматривать как целостное произведение.

Смена счета происходила после сообщения о падении одной из империй (Prosp. 190, 224, 225). В этой связи интересен пассаж о переходе лидерства от Птолемеев к римским императорам: «Клеопатра 22 года [правит], но из них принимаются в расчет только два года, так как у римлян [через два года — *A.C.*] устанавливаются непрерывные полномочия; их продолжительность с этого времени должна отсчитываться от Г. Юлия Цезаря, который первым у римлян достиг единоличной власти и по имени которого правители римлян именуется цезарями» (Prosp. 316). Сам факт установления единоличной власти Юлия Цезаря означал смену империй и, соответственно, счета. Последнюю империю предстояло сформировать римлянам. Вот что по этому поводу замечает Проспер в другом произведении: «Божественное провидение предопределило Римскую империю в ее полном расширении, так что народы, которым суждено было стать объединенными в теле Христовом, будут объединены в законе единой

империи; с другой стороны, благодать Христа не рада разделить границы Рима и подчинила скипетру Креста многие народы, которые Рим не смог подчинить силой оружия. Кроме того, Рим стал больше оплотом религии, чем центром власти» (*De vocat.* 2. 16). В этих строках сформулирован тот взгляд на Римскую империю, который найдет воплощение через конкретно-исторические события в Хронике. И сам «вечный город» будет выступать в двух ипостасях — как центр светской и духовной власти. И для той, и для другой сферы представлен параллельный историко-событийный ряд в Хронике.

Вместе с хронологией, в основании которой положена череда светских правителей, представлена и хронология по духовным предводителям — иудейским первосвященникам и христианским епископам (с 393 главы). Тем самым подчеркивается неразделенность двух этих линий, высокая значимость двух ветвей власти, с точки зрения развития человеческого общества.

Итак, опорной хронологической системой выбран у Проспера счет по царствам. Внутри этих царств представлены последовательно монархи. Проспер сообщал об их вступлении на престол, продолжительности правления и далее излагал события. Причем, событийный ряд преимущественно не имеет точной датировки (до введения в повествование консульств), как у Евсевия-Иеронима. Читатель может лишь понять, при каком властителе произошло сообщаемое. Приведем пример:

- 72. Геден из трибы Манассии 40 лет [правил], 7 из которых приходится на нахождение евреев под властью иноземцев, передают евреи
- 73. В это время был основан Тир.
- 74. Аргонтавы в это время были.
- 75. Кизик в это время основан.
- 76. Орфей Фракиец был знаменитым.
- 77. Авилимех, сын Гедена, [стал судьей] на 3 года.
- 78. Это времена Геракла.

Для хронологической привязки информации Тиро использует указательные местоимения — *hoc tempore* (чаще всего), *his temporibus*, *eodem tempore*, *eo tempore*, *ad hoc tempore*, *quo tempore*, *in hoc tempore*, *inter haec tempora*, *haec aetas*, *cuius temporis*, *hac aetate* и т.д. — таким образом, вводится и относительная хронология. Думается, что использование в до-Христовой части «Хроники» приведенных местоимений продиктовано жанровой особенностью эпитомы. Точная датировка событий в этой части имела меньшее значение для Проспера, чем в последующей, да вряд ли ее можно было установить. Аквитанец отступает

от указанного порядка в случае с обозначением событий времени жизни Моисея (*Prosp.* 50—57, 59), что, вероятно, продиктовано важностью этого персонажа для автора. Моисей в христианстве, как известно, представлен в образе законодателя.

Наконец, с 15 года правления Тибериуса Проспер начинает счет лет по консулам. Может показаться удивительным отсутствие хронологии по эпонимным магистратам с начала республики. Но в данном случае, на наш взгляд, это объясняется сложностью реализации такого подхода. Соотношение восточных царей и консулов являлось очень трудным делом. Но когда, по Просперу, произошла смена доминирующей империи — с Птолемеевской на Римскую, в качестве системообразующего элемента стали фигурировать императоры, объединить их список с консульским оказалось гораздо проще. Обращает на себя внимание в связи с этим введенная Проспером нумерация римских правителей (или пары — для позднего Рима). Ее можно объяснить техникой работы. Вероятно, изначально имелся их список с порядковыми номерами, который далее сопоставлялся с перечнем консулов и конкретных событий — в такой трудоемкой работе была большая вероятность кого-то забыть или сбиться при формировании итогового текста. Кстати, схожая методика наблюдается и в труде Евсевия, подразделяющимся на хронографию и каноны. Поэтому следует согласиться с Д. И. Суровенковым, что последовательность правления императоров занимает промежуточное положение между опорной и вспомогательными хронологическими системами [Суровенков, 2006, с. 32], так как события датируются именно по консулам. На Западе традиции счета времени по правителям попросту не существовало. Даже с установлением принципата консулов продолжали выбирать, демонстрируя тем самым нерушимость республиканских устоев. А в период тетрархии и после разделения Римской империи на Западную и Восточную именно по консулам проще было вести счет [Ващева, 2008, с. 136]. Евсевиевская хронология по Олимпиадам также не могла быть использована в связи с отменой игр Феодосием в 395 г.

Фигурой, знаменовавшей новую эру, является, конечно, Христос. О значимости для автора Христа как второго Адама говорилось выше, но обращает на себя внимание выбор в качестве точки отсчета Страстей, а не Воплощения. Сам же хронист таким образом описывает свое решение: «Некоторые утверждают, что Иисус Христос претерпел [Страдания] на 18 год [правления] Тибериуса и в качестве доказательства этого принимают Евангелие от Иоанна, в котором усматривают,

что после 15 года [правления] Тиберия Цезаря Господь проповедовал три года. Но так как более распространенное предание (*usitatio traditio*) указывает, что Наш Господь был распят в 15 год [правления] Тиберия Цезаря, в год консулата двух Геминиев, мы не вынося суждения относительно другого мнения [т. е. мнения Иеронима — А. С.], начнем последовательность консулов, начиная с указанных двух консулов» (*Prosper*. 388). Приведенный отрывок — один из немногих случаев, когда Проспер раскрывает нам творческую лабораторию, то есть виден процесс рассуждения перед принятием решения, однако на основании данных слов невозможно сделать вывод о причинах итогового выбора. Но, вероятно, как отмечал С. Мюльбергер, этот выбор обусловлен богословскими рассуждениями аквитанца; ориентация же на Воплощение в качестве начала новой Эры характерна для хронистов-хилиастов [Muhlberger, 1990, p. 64].

Итак, хронологическая система Проспера является более простой по сравнению с предшествующими. Данное обстоятельство, вероятно, и сделало «Хронику» популярной у потомков. Благодаря новому хронологическому порядку и отказу от табличной формы, Хроника стала легче восприниматься менее подготовленным читателем. Но следует понимать, что перед автором стояло несколько трудных задач: определение точки отсчета, выбор хронологической системы, отвечающей потребностям как хрониста, так и адресата написания, согласование ее с предшествующей традицией. Нами было установлена тесная связь концептуальных построений аквитанца и богословскими идеями. Однако не только последние определяли выбор хронологии: на нем сказывались и чисто технические вопросы. Поэтому можно постулировать, что определение измерений исторического времени в данном случае отражает компромиссы аквитанца.

Список литературы

1. Блаженного Проспера Аквитанского мыслей, из сочинений Блаженного Августина выбранных. Книга одна, а к ней приложен разговор о Святой Троице того и Блаженного Августина / пер. И.С. Тодорского. — СПб. : Печатано у Шнора, 1787. — 168 с.
2. Ващева, И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма / И. Ю. Ващева. — СПб. : Алетейя, 2006. — 272 с.
3. Ващева, И. Ю. Проблемы хронологии в «Церковной истории» IV — VII вв. / И. Ю. Ващева // *Время в координатах истории : тез. междунар. науч. конф.* — М. : ИВИ РАН, 2008. — С. 173—177.
4. Гене, Б. История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене ; пер. с франц. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской. М. : Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.
5. Зайцев, А. И. Греческая религия и мифология : курс лекций / А.И. Зайцев ; под ред. Л. Я. Жмудя. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2005. — 208 с.
6. Иванова, Н. П. Историческая хронология / Н. П. Иванова, С. П. Цыб. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. — 236 с.
7. Кузенков, П. В. Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции / П. В. Кузенков — М. : Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2014. — 992 с.
8. Махлаюк, А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата / А. В. Махлаюк // *Античный полис* / под ред. В. В. Дементьевой. URL: <https://history.wikireading.ru/hzB7v4tCAI> (дата посещения: 10.03.2021).
9. Мереминский, С. Г. Средневековая анналистика: особая форма историописания или историографический конструкт? / С. Г. Мереминский // *Люди и тексты : истор. альманах.* — 2018. — № 11. — С. 82—110.
10. Ольсен, Г. О циклической и линейной концепциях времени в трактовке античной и раннесредневековой истории / Г. Ольсен // *Цивилизации.* — Вып. 2. — М., 1993. — С. 196—207.
11. Пантелеев, А. Д. Мученики и мученичество в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского / А. Д. Пантелеев // *История.* — 2020. — № 11 (4). — URL: <https://doi.org/10.18254/S207987840009847-0>, <https://doi.org/10.18254/S207987840009847-0> (дата обращения: 11.03.2021).
12. Стржалковская, А. Д. Личность Оригена по свидетельствам Евсевия Кесарийского и других историков / А. Д. Стржалковская // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология».* — 2018. — Т. 45, № 2. — С. 217—221.
13. Суровенков, Д. И. Категория времени в хронике Комита Марцеллина / Д. И. Суровенков // *Источниковедческие исследования.* — 2006. — Вып. 3. — С. 9—53.

14. Тюленев, В. М. Рождение латинской христианской историографии / В. М. Тюленев. — СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rozhdenie-latinskoj-hristianskoj-istoriografii/4.
15. Burgess, R. W. Non duo Antonini sed duo Augusti': The Consuls of 161 and the Origins and Traditions of the Latin Consular Fasti of the Roman Empire / R. W. Burgess // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. — 2000. — Bd. 132. — P. 259—290.
16. Burgess, R.W. Mosaics of time: the Latin chronicle traditions from the first BC to the sixth century AD / R.W. Burgess, M. Kulikowski. — Vol. 1. — Brepols, 2013. — 444 p.
17. Croke, B. The Origins of the Christian World Chronicle / B. Croke // *History and historians in Late Antiquity* / eds. B. Croke, A. M. Emmett. — Sydney, 1983. — P. 116 — 131.
18. Handbook of biblical chronology: principles of time reckoning in the ancient world and problems of chronology in the Bible / ed. by J. Finegan. — Princeton : Princeton University Press, 1998. — 457 p.
19. Helm, R. Eusebius Chronik und ihre Tabellenform / R. Helm. — Berlin : Walter de Gruyter, 1924. — 56 s.
20. Holder-Egger, O. Untersuchungen fiber einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts I. Die Chronik Prosper von Aquitanien / O. Holder-Egger// *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte*. — 1876. — S. 15—90.
21. Humphries, M. Chronicle and chronology: Prosper of Aquitaine, his methods and the development of early medieval chronography / M. Humphries// *Early Medieval Europe*. — 1996. — № 5 (2). — P. 155—175.
22. Kahlos, M. Seizing History: Christianising the Past in Late Antique Historiography / M. Kahlos // *Past and Present in Medieval Chronicles* / ed. By Mari Isoaho. — Helsinki, 2015. — P. 11—33.
23. Landes, R. Lest the Millennium be Fulfilled. Apocalyptic Expectations and the Pattern of Western Chronography, 100—800 CE / R. Landes // *The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages* / ed. by W. Verbeke, D. Verhelst, A. Welkenhuysen. Leuven, 1988. P. 149—154.
24. Landes, R. The Fear of an Apocalyptic Year 1000: Augustinian Historiography, Medieval and Modern / R. Landes // *Speculum*. — 2000. — Vol. 75. — № 1. — P. 243 — 270.
25. Muhlberger, S. The fifth-century chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452 / S. Muhlberger. — Leeds : Francis Cairns Publications, 1990. — 329 p.
26. Scanlon, M.J. Eschatology / M.J. Scanlon // *Augustine through the ages : an encyclopedia* / eds. A.B. Fitzgerald, J. Cavadini. — Grand Rapids, 1999. — P. 316—318.
27. Schwartz, E. Eusebios / E. Schwartz // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. — Bd. VI, 1. — Stuttgart, 1907. — S. 1378—1379.
28. Valentin, L. Saint Prosper d'Aquitaine: Étude sur la littérature latine ecclésiastique au cinquième siècle en Gaule / L. Valentin. — Paris : Picard, 1900. — 934 p.

Сведения об авторе

Скворцов Артем Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия; доцент кафедры лингвистики и перевода Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, artyom-skvorcov@yandex.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 1. P. 72—81.

Chronological system in “*Epitoma chronicon*” by Prosper of Aquitaine

A.M. Skvortsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg, Russia. artyom-skvorcov@yandex.ru

The article aims at revealing the general chronological principles of the organization of events in Prosper's *Epitoma chronicon*. The chronological system constructed by the Aquitanian is simpler in comparison with the works of his predecessors — Eusebius and Jerome, and, accordingly, accessible to less educated readers, especially in the western part of the Roman Empire. Prosper deliberately eschews the tabular form of presentation, counting years exclusively by emperors (for the Roman era), by the Olympiads, but adds a list of biblical patriarchs to the initial part of the text and dates events by consuls (from the 15th year of Tiberius' reign). «The Age of Adam» allowed

the author to «antiquate» the Christian faith. It is also argued that Prosper, like Aurelius Augustine, was alien to the ideas of Millenarianism and realized with the help of concrete historical material the concept of the change of the four empires. In general, the considered work of Prosper is an attempt to create a new historiography in the late antiquity era.

Keywords: Prosper of Aquitaine, late antiquity, chronicle, historiography of antiquity, chronology.

References

1. *Blazhennogo Prospera Akvitanskogo myslej, iz sochinenij Blazhennogo Avgustina vybrannyh. Kniga odna, a k nej prilozhen razgovor o Svyatoj Troice togo i Blazhennogo Avgustina* [Blessed Prosper of Aquitaine's thoughts, from the writings of Blessed Augustine selected. There is only one book, and it is accompanied by a conversation about the Holy Trinity of St. Augustine and St. Augustine]. St. Petersburg, Pechatano u Shnora, 1787. 168 p. (In Russ.).
2. Vashcheva I.Yu. *Evsevij Kesarijskij i stanovlenie rannesrednevekovogo istorizma* [Eusebius of Caesarea and the Formation of Early Medieval Historicism]. St. Petersburg, Aletejya, 2006. 272 p. (In Russ.).
3. Vashcheva I.Yu. Problemy hronologii v «Cerkovnoj istorii» IV—VII vv. / I.YU. Vashcheva [Problems of chronology in the “Church History” of the 4th—7th centuries]. *Vremya v koordinatah istorii* [Time in history coordinates]. Moscow, IVI RAN, 2008. Pp. 173—177. (In Russ.).
4. Gene B. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and historical culture of the Medieval West]. Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 496 p. (In Russ.).
5. Zajtsev A.I. *Grecheskaya religiya i mifologiya: Kurs lekcij* [Greek Religion and Mythology: course of lectures]. St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, Moscow, Akademiya, 2005. 208 p. (In Russ.).
6. Ivanova N.P., Cyb S.P. *Istoricheskaya hronologiya* [Historical timeline]. Barnaul, Izd-vo AltGU, 2003. 236 p. (In Russ.).
7. Kuzenkov, P.V. *Hristianskie hronologicheskie sistemy. Istoriya letoschisleniya v svyatootecheskoj i vostochnohristianskoj tradicii* [Christian chronological systems. The History of Chronology in the Patristic and Eastern Christian Traditions]. Moscow, Russkij izdatel'skij centr imeni svyatogo Vasiliya Velikogo, 2014. 992 p. (In Russ.).
8. Mahlayuk A.V. *Polisno-respublikanskie struktury i tradicii v epohu principata* [Polis-republican structures and traditions in the era of the principate]. *Antichnyj polis* [Antique polis]. Available at: <https://history.wikireading.ru/hzB7v4tCAI>, accessed 10.03.2021. (In Russ.).
9. Mereminskij S.G. *Srednevekovaya annalistika: osobaya forma istoriopisaniya ili istoriograficheskij konstrukt?* [Medieval Annalistic: A Special Form of Historical Writing or a Historiographic Construct?]. *Lyudi i teksty* [People and texts], 2018, no. 11, pp. 82—110. (In Russ.).
10. Ol'sen G. *O ciklicheskoj i linejnoj koncepcijah vremeni v traktovke antichnoj i rannesrednevekovoj istorii* [On the cyclical and linear concepts of time in the interpretation of ancient and early medieval history]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Iss. 2. Moscow, 1993. Pp. 196—207. (In Russ.).
11. Panteleev A.D. *Mucheniki i muchenichestvo v «Cerkovnoj istorii» Evseviya Kesarijskogo* [Martyrs and Martyrdom in “Church History” by Eusebius of Caesarea]. *Istoriya* [History], 2020, no. 11 (4). Available at: <https://doi.org/10.18254/S207987840009847-0>, <https://doi.org/10.18254/S207987840009847-0>, accessed 11.03.2021. (In Russ.).
12. Strzhalkovskaya A.D. *Lichnost' Origena po svidetel'stvam Evseviya Kesarijskogo i drugih istorikov* [Origen's personality according to the testimony of Eusebius of Caesarea and other historians]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya»* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series “History. Political science”], 2018, vol. 45, no. 2, pp. 217—221. (In Russ.).
13. Surovenkov D.I. *Kategoriya vremeni v hronike Komita Marcellina* [Category of time in the chronicle of Comit Marcellinus]. *Istochnikovvedcheskie issledovaniya* [Source studies], 2006, iss. 3, pp. 9—53. (In Russ.).
14. Tyulenev V.M. *Rozhdenie latinskoj hristianskoj istoriografii* [The birth of Latin Christian historiography]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2005. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rozhdenie-latinskoj-hristianskoj-istoriografii/4. (In Russ.).
15. Burgess R.W. *Non duo Antonini sed duo Augusti? the Consuls of 161 and the Origins and Traditions of the Latin Consular Fasti of the Roman Empire*. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2000, bd. 132, pp. 259—290.
16. Burgess R.W., Kulikowski M. *Mosaics of time: the Latin chronicle traditions from the first BC to the sixth century AD*. Vol. 1. Brepols, 2013. 444 p.

17. Croke B. The Origins of the Christian World Chronicle. *History and historians in Late Antiquity*. Sydney, 1983. Pp. 116—131.
18. *Handbook of biblical chronology: principles of time reckoning in the ancient world and problems of chronology in the Bible*. Princeton, Princeton University Press, 1998. 457 p.
19. Helm R. Eusebius Chronik und ihre Tabellenform / R. Helm. Berlin, Walter de Gruyter, 1924. 56 s. (In Germ.).
20. Holder-Egger O. Untersuchungen fiber einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts I. Die Chronik Prosper von Aquitanien. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte*, 1876. S. 15—90. (In Germ.).
21. Humphries M. Chronicle and chronology: Prosper of Aquitaine, his methods and the development of early medieval chronography. *Early Medieval Europe*, 1996, no. 5 (2), pp. 155—175.
22. Kahlos M. Seizing History: Christianising the Past in Late Antique Historiography. *Past and Present in Medieval Chronicles*. Helsinki, 2015. P. 11—33.
23. Landes R. Lest the Millennium be Fulfilled. Apocalyptic Expectations and the Pattern of Western Chronography, 100—800 CE. *The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages*. Leuven, 1988. Pp. 149—154.
24. Landes, R. The Fear of an Apocalyptic Year 1000: Augustinian Historiography, Medieval and Modern. *Speculum*, 2000, vol. 75, no. 1, pp. 243—270.
25. Muhlberger S. *The fifth-century chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452*. Leeds, Francis Cairns Publications, 1990. 329 p.
26. Scanlon M.J. Eschatology. *Augustine through the ages*. Grand Rapids, 1999. Pp. 316—318.
27. Schwartz E. Eusebios. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. VI,1. Stuttgart, 1907. S. 1378—1379. (In Germ.).
28. Valentin L. *Saint Prosper d'Aquitaine: Étude sur la littérature latine ecclésiastique au cinquième siècle en Gaule*. Paris, Picard, 1900. 934 p.